18+

Виктор Брагин

Тихий дом

Виктор Брагин
Тихий дом

https://litres.ru/74899877
ISBN 9785007165181

Аннотация

Человек возвращается в манящие его родные места, за прошлым, чтобы вернуться к своим корням, пролистать страницы своей жизни, как бы пройти некое перерождение, вдохнуть новые силы и смело идти в будущее.

Содержание

Любовь	5
Отчий дом	11
Приезжают за прошлым	13
Времена	16
Безопасное место	18
Новая жизнь	22
Детство	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тихий дом

Виктор Брагин

© Виктор Брагин, 2026

ISBN 978-5-0071-6518-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь
Миниатюра

Годы. Как вода меж пальцев, утекают годочки, опомниться не успел — девяносто стукнуло, недолог конец, а, кажись, вчера еще босиком бегал да без порток. И так грустно стало деду Ждану, его простое и теплое имя отражало в памяти яркий характер в смелых поступках и уверенной поступи по скользким дорогам бытия к заветным целям, невзирая на трудности. Бок о бок уж семьдесят годков топчутся вместе с женою Усладой, приятной в молодости и красавицей с восточным колоритом, услаждающей интересы мужа, стоящей стеной за крепость семейных уз. Такая глубокая тоска закралась в душе деда, молодость, ты зачем убежала скоренько, тоскливо, захотелось изведать далекую страсть, пластом затаившуюся в старческом теле. Да и Услада киснет, одни таблетки на уме, сколько утром и какие выпить вечером, много лет крепится, не одну сотню маленьких, беленьких, цветных запила водичкой. Разгорается Ждан, что-то молодое, искрящееся рвется наружу — это всплеск энергии из начала века. Постукивание по затылку, в голову, давление, что ли, повышается, нет — это старческая мышечная губка наполняется теплыми желаниями, чем-то далеким и забытым.

Цветы. Поднялся с деревянной табуретки — самодельной,

из березы, крашеной в синий цвет, еще крепкой с виду, но с треснувшей проножкой. На ней лежит старый круглый половичок. Поселок невелик, до рынка рукой подать — три киоска и четыре столика, наполненных рядами соленой рыбой и салом, банками огурцов, помидоров и квашеной капустой. Прихрамывая и опираясь на деревянную палку, сучковатую, задубевшую, изогнутую, похожую на трость, Ждан побрел вдоль изб. «Где же Глашка с цветами? Спит, что ли? Пойду возьму у нее» — подумал он. «Идет, дряхлая старуха, дайка цветы». Глаша с изумлением посмотрела на старца, удивилась: «На кой те мои цветы, аль к кому свататься побредешь?» Он отмахнулся: «Да уймись, просто надоть мне, не сбивай!» Ждан в приподнятом настроении и пушистыми пионами направился к жене, за десятилетия ставшей родной, близкой по духу — подруге в горе и радости, своей Усладе.

Быль. Представление о былом и возвышенное настроение принесло его и остановило пред Усладой. Загорелись впадшие и посеревшие от трудов и болезней глаза, с усилием она поднялась с кровати. Ждан, представляя свою спутницу зажигательной, яркой, наполнявшей когда-то пространство вселенской красотой и сексуальной нежностью, вновь увидел ее стройной и желанной. Начал произносить слова признательности, чмокая вставной челюстью и ощущая нехватку зубов в нижнем ряду. «Люблю тебя, моя несравненная Усладушка», — пытался встать на колени, но свело икру на правой ноге, и пришлось сесть на свой любимый табурет.

Он продолжал: душа кавалера кипела, и намерения джентльмена не угасали. «Услада, — возвышенным тоном произнес дед, — я приглашаю тебя в ресторан». «Дорогой ты мой, так его закрыли в пятьдесят третьем, — предупредила жена. Ладно, в новое кафе, угощу вкусненьким, помнишь наши стряпушки? Муженек мой дорогой, пойдем, а на улице-то что: ведро аль морось? Подожди, любимый, оденусь, и, пожалуйста, приготовь мне любимую подвеску — птичку с самоцветами», — удалилась в другую комнату, взяв с собой одежду.

Костюм. Ждан примерял свои костюмы. Не сходились брюки или не застегивался пиджак. Он снял с вешалки костюм, приготовленный для «выхода в люди» — итальянский, из тонкой шерсти, светло-серый, очень модный в двадцатом столетии. В костюме он представлял себя помолодевшим, стройным и полным сил. Дед прихрамывал по половикам. Времени прошло изрядно.

Нежность. Открылась дверь из комнаты. Ждан стоял возле письменного стола и держал в руках подвеску с цветными переливами, нащупывая замочек на золотой ниточке. Поднял глаза — и дух захватило, голова закружилась, хотя утром выпил четыре таблетки, которые прописала участковый терапевт. Комнату пронзил солнечный луч, запотевшие окна заблестели, форточка распахнулась. Потоки озонового аромата наполняли легкие, сменив терпкий застоявшийся воздух. Услада одним легким движением показала свои приот-

крытые плечи, подставила шею для украшения. Ждан, как по команде, суетясь, зацепил колечко в замочек цепочки. Пальцы горели и тянулись к пушистым волосам любимой. Он прикоснулся пересохшими губами ее шеи и плеч со спины. Мгновение — и жена развернулась, и лицо ее играло улыбкой: манящая, обворожительная, как в двадцать пять.

Забота. Ждан прикоснулся к порозовевшей щеке: ни одной морщины, помада украшала губы жены, напоминающие бантик. Голубой костюм-тройка: блуза, платье и легкий до пят плащ — преображали уставшую с годами фигуру: стройнили ее спину и выправляли плечи; легкие туфельки на низком каблучке придавали фигуре подтянутость и моложавость.

Дорога. Славная чета парила по знакомой улице: каждый камушек ложился под каблучок ровно, не сбивая шаги нашей пары. Сидящие на лавочках женщины лет шестидесяти пересудами и стреляющими глазами сопровождали Ждана и Усладу, которые годами появлялись на публике вместе, независимые и гордые своим положением в поселке, со своим верным мнением, уважением к окружающим, не вмешивались в судьбы односельчан, довольные своими детьми и жизнью, прожитой правильно. Торопились мужчины, останавливались, желали здоровья и долголетия. В кафе особого выбора в угощениях не было: заказали облепиховый чай и пирожное «Наполеон», сидели недолго, но с аппетитом пробовали сладости и отпивали из белых фарфоровых чашек на-

сыщенный ягодой, густо заваренный напиток: нужно сберечь силы на дорогу обратно.

Дом. Поддерживая друг друга, муж и жена добрели до тихого дома и еще долго не снимали с себя красивые и удобные одежды, напоминавшие о времени, когда возраст в пятьдесят лет казался естественным для борьбы за существование на планете Земля, а мелочи в достижении целей становились праздником. Они сидели на диване, всматриваясь в глаза друг другу, и молча понимали, о чем думает близкий человек. Смотрели они и осознавали, что день сегодня особенный — волнительный и одновременно грустный. Отдохнув, они не спеша приготовились ко сну, но не спалось: пылкость умчалась, осталось лишь уважение и любовь. «Ждан, ты сегодня необычайно внимателен ко мне», — произнесла она. Услада погладила лицо и живот мужа и попросила прощения, словно прощаясь надолго или навсегда. Ждан потрогал ее грудь, под которой еще билось слабенькое сердце. Он хотел высказать что-то многозначительное, и она услышала главные слова: «Я тебя люблю. Мы с тобой обязательно встретимся там». Тихо. Тишина укутала в одно одеяло два любящих сердца, успокоила и погрузила в сон — в вечный сон.

Утро. Утром, на рассвете, когда солнце высвечивало свои первые блики, трава пахла прохладой, а с реки поднималась легкая прозрачная дымка влаги, наши герои медленно уходили в утренний туман — в тот самый туман, из которого

они не вернулись.

26.10.2026 г.

Отчий дом
Миниатюра

Мой дом построен на холме, на краю вселенной под названием Кумыш, вытянутый в ряд оградой и конюшней, с дымком, клубящимся из русской печки. С уличной антенной на углу для приема черно-белого кино, балета, мультиков, «Спокойной ночи, малыши» и «Утренней почты». По выходным лепили тесто, уплетали пироги и шаньги с молоком, смотрели передачу для мужчин, служить готовились Отчизне. Сарайчик с ямой: со снегом и со льдом, а летом хорошо, не жарко в нем, там же мотоцикл. Штакетник в ряд и баня на косяк по-черному дымится. Пакеты, банки вдоль висят, как принято в деревне. Забором обнесен наш огород приличный с картошкой удалой, растет на грядках лук, горох, редис и репа золотистая, сладкая морковь, особенно немытая с ботвой, за баней земляника и клубника.

А дальше лес, родной и близкий, манит волшебной красотой, цветов поляны, грибы и ягоды, березки, ели, костер, душевный разговор и смех девичий. Речушка Кумышанка прозрачна и чиста для хариуса с малявкой, нырну с разбегу, да по-собачьи проплыву, смывая сенокосный пот в жару с младого тела, затем два раза за водой под горку с суетой и дров охапку в баню принесу.

В вечерней тишине заката собирались «горские» ребята: юмор, шутки, стихи и басни вперебой, а Саня травит анекдоты, малиновки звучит припев. На улице скрипит фонарь, уж темнота, домашние дела свершились, к ребятам мамки не спеша присоединились, на лавочках местечко им нашлось, многоголосье полилось, собаки прекратили лаять. Романтика в ночи играет лиру влюбленным до утра, обычный и прекрасный день закончился счастливым.

Дом невелик, гостеприимен, Семеновна всегда накормит и бражкою напоит мудреца, кто бы ни был, он — рассказчик: сосед иль родственник с похмелья. Есть все, как у людей: полно добра, скотина во дворе, расти и процветай, что начертал всевышний.

Детей взрастил, в школе деревенской знаниями напоил, они как птахи разлетелись. Хозяйку рано, молодой, в потусторонний мир отправил. Хозяина оберегал до старости преклонной, попрощался. Придет и твой конец, один стоишь, состарился и покривился без тепла, с тропой заросшей. Прошло уж много лет, на улице веселой нет детей, в трех избах огонек в морозные деньки соседей согревает, они традиции и память сохраняют для смелых поколений, чтобы песни слагали, в вечность увлекали.

05.04.2026 г.

Приезжают за прошлым
Миниатюра

Первого апреля 2026 г. в социальных сетях опубликовал свое фото, сделанное в середине февраля, когда вынужденно приехал в Кумыш, со следующим пояснением: 18 февраля 2026 г., станция Кумыш (на Урале) — моя родина. Приехал через тридцать лет. Поселок опустел: проживало три тысячи человек, сейчас тридцать жителей. Полная тишина: нет бабьих частушек и детского крика. Чистейший воздух и родниковая вода. Люди состарились, но чтут память о былом, историю своей малой родины.

Отзывы к этой публикации и миниатюре «Отчий дом» яркие и потрясающие, например:

Галина Ёлохова: «Хорошо написал о своей малой родине. Это место в сердце всегда. Здесь родился, рос, получил путевку в жизнь в родной школе. Здесь на погосте родные могилки». Позже она добавила еще один отзыв: «С интересом прочитала еще раз. Трогает. Пахнет стареньким домом, родным деревенским воздухом, воспоминаниями детства и юности и друзей. И конечно, главного героя повествования — родного дома, самого родного уголка на земле и его обитателей. Получилось, по—моему, очень даже неплохо».

Ольга Некрутова: «Как будто побывала на родине, спаси-

бо!»

Любовь Борисовна: «Пермская обл., Лысьвенский район, станция Кумыш! Место моего рождения! Такая запись в моем паспорте! Помню тебя, моя Родина! Низкий тебе поклон!»

Кучева: «Как здорово все это читать, Кумыш, кумышане — это так приятно произносить, такое родное, близкое».

Валентина Николаева: «Здравствуйте. Почти 40 лет не была на своей родине, в Кумыше. Моя мама всю жизнь проработала там стрелочником, а потом дежурной по станции, Левицкая Наталия Антоновна. Всегда с удовольствием и интересом читаю про Кумыш, его жителей. Но вот сама никак не могу приехать. Живу в Якутии. Привет всем, кто меня помнит».

Нина Утева: «Все мы родом из детства, а детство — это наш Кумыш, наша малая РОДИНА!»

Людмила Сергиенко: «Кумыш — это память о нашей молодости, о танцах в Кумышанском клубе. А мне запомнился первый Новый год, 1976 год. Когда я зашла в клуб, я попала как в сказку. Елка в игрушках, вся блестит и сверкает огоньками. А как здорово был украшен зал. Весь новогодний вечер прошел весело, интересно! В этом была заслуга Ярыгиной Бэллы Борисовны. Под ее руководством проводились все вечера отдыха. Я часто вспоминаю этот небольшой лесной поселок, где я работала в лесничестве после окончания Лубянского лесхоз-техникума».

Я сделал для себя невероятный вывод. Решил, что у тех, кто родился, вырос, живет в поселке или хотя бы однажды побывал в гостях у этого приветливого населенного пункта в глубине уральских лесов, сердце наполнилось золотой россыпью доброй памяти. В связи с этим написал две миниатюры: «Отчий дом», «Времена». Дом деревенский, тепло в избе от русской печи, радушный прием хозяев — вот об этом написал. У каждого человека в мозгу закладывается, пишется на нейронную платформу, что-то особенное, какие-то воспоминания, будоражащие сердце. Долгие годы несет в себе чувства, эмоции человек, который соприкоснулся с природной душой России. Он возвращается либо мысленно, либо наяву в отчий дом или на погост к могилкам. Для чего? Человек возвращается, в манящие его родные места, за прошлым, чтобы вернуться к своим корням, пролистать страницы своей жизни, как бы пройти некое перерождение, вдохнуть новые силы и смело идти в будущее.

Тридцать первого мая 2026 г., на Троицу, в поселок приедут сотни бывших жителей этого лесного поселка и их родственники. Удивительное явление — укоренившаяся традиция!

23.05.2026 г.

Времена
Миниатюра

Во второй половине двадцатого столетья народ советский процветал и жил спокойно, смотрел уверенно на десятилетия вперед, о коммунизме размышляя.

Мужик избу срубит исправно, бабенка порядок наведет, побелит потолок известкой с добавлением синьки, другая покрывает краской. Голубеньким блистают своды, лазурные оттенки приходят в дом с печным теплом.

Сейчас наверняка не знает молодежь, что такое синька? Художник лишь индиго разбавляет. А это глубина той синевы небесной, что дарит летний день и аромат цветов. В июльский зной, распластанный валяясь на лугу, купаешься в объятьях трав, любуясь парадом облаков фигурных, делянку выкосив с зари да комаров и паутов гонявши. Зимой другое дело: мороз рисует сказки на стекле, снежинки серебром блестят, играют на холме, а ребятишки скользят на лыжах с горки до речки по белому пушистому снежку. Малой не удержался, бухнулся в сугроб, перевалился и замер, вдыхая полной грудью невидимую сладость бытия и счастье материнского тепла, взгляд устремляя в синеву небес, глаза от солнца пряча.

Те мамки и отцы становятся дедами, а кто-то на погост

ушел в иные мирозданья. Дома уходят в никуда, и потолки не белят, доской забиты окна, двери, но жизнь времен года не остановят: Всевышний тучи размешал с добавленьем синьки и распылил снежинки. В сугробах Кумыш утонул, а с крыши снег не чистят, и заливается простор холмистый синевой пушистой.

09.04.2026 г.

Безопасное место
Миниатюра

Мне классно, плаваю себе в теплой водичке, если захочу попить, сделаю несколько глоточков — вкусненько. Могу подвигать ручками и ножками, пошевелить пальчиками, потянуться после сна. С едой вообще нет проблем: не нужны вилочка и ложечка, даже жевать ничего не надо; как-то даже скучно. Было бы чем заняться, а то так живу: на всем готовеньком, получаю уже готовое питание и вещества в виде каких-то молекул. Когда вырасту и стану большим, буду сам все делать: помогать родителям, кушать кашу, играть в машинки, строить дороги и дома, лепить из пластилина солдатиков, Деда Мороза и Снегурочку. Обязательно пойду учиться; самый главный — это первый класс, а потом легче будет. Вокруг меня скафандрик — он защищает от вирусов, плохой людской еды, вредных лекарств и неприятных токсинов. Начал замечать, что ручки и ножки становятся больше — может быть, я уже вырос? Там, далеко, за скафандриком, кто-то разговаривает: один мягкий, другой сильный голос. Рассуждают, кто у них родится и как назовут ребеночка. Кем я буду? В какие кружки и секции будет возить меня бабушка. А что мне бабушка? Когда у меня есть дедушка — вот с ним и буду играть в мальчишеские игры. «Кто родится?» — этот

вопрос слышу не в первый раз. «Глупенькие, о ком это они?» Знаю, что я мальчик и зовут меня Роман. Значит, я больше их и уже взрослый? Прочитали бы лучше сказку про Колобка или рассказ про детство, где Ваня играет под крыльцом в машинки с курочкой, или включили симфонию Чайковского. «Тук тук», — постучался в стеночку своего домика. Частенько напоминал той, что надела на меня скафандр (и которая, кстати, еще и диеты соблюдает): «Съешь котлету и ложись спать! А я тем временем отдохну — сегодня я вдоволь наплавался и накувыркался». Глубокой ночью я проснулся и услышал, что они все еще разговаривают. Я постучал, подвигался — ощутил скованность. Наверное, я вырос или скафандр стал мал. Уверенный голос вызывает машину скорой помощи. Через недельку дядечка с этим голосом скажет: «Я твой папа». «Родненькие, вы куда меня везете?» — еду в машине и задаюсь вопросом. «Не сотрясайте, мне страшно, я же могу из своего бассейна выскользнуть», — рассуждаю. «Ладно, так и быть, доверюсь этим двоим, что со мной разговаривали». Появились другие голоса, что-то командуют. Наверное, они со мной играют в солдатики — хорошо, согласен: вытягиваюсь, руки вдоль туловища, ножки вместе и полетел через пространства к далеким космическим созвездиям.

— Зачем вы меня ладошкой по попе шлепнули? Мне же больно! — слышу свой голос.

— А-а-а… Мне холодно! Закройте меня, слышите меня! — кричу.

— Ребеночек… Какой славненький! Глазки открывает, — говорит голова в маске.

— Что это они так громко шумят, эти в белых халатах и масках? А-а-а… Мне холодно, — пытаюсь разговаривать с ними.

Яркий свет… Подлетаю и падаю вниз. Хочу в тепло! Меня крепко замотали — не повернуться. Вижу, что на меня смотрят добрые уставшие глаза.

— Мамаша, держите. Аккуратно — это ваше дитя, — передали меня в ласковые руки.

Те, в белых одеждах, назвали это доброе лицо «мамаша». Может, и мне ее назвать, только по-своему мягко, «мама»? Она прижимает мое тельце к себе и говорит что-то доброе, успокаивающее.

— Наверно, меня уже не вернут туда, где я плавал и кушал через трубочку в мамином животике, — подумал я.

Она прижимает меня к себе — с ней спокойно: тепло обволакивает, а убаюкивающие запахи и звуки дарят ощущение уюта. Я закрываю глаза.

Все, меня нет — я к маме.

Ребенок прошел через портал миров, из одного измерения в другое. Утомленный перегрузками, он медленно засыпает, представляя уходящий мир вечного тепла и сытости, комфорта и ласковых поглаживаний — то воображаемое безопасное место, что осталось в памяти. «Тепло… Ес-

ли я чувствую тепло, значит, проснулся. Но где я? У меня нет трубки, я не плаваю. Хочу пошевелить руками и ногами, но все тело крепко затянуто. Надо что-то делать — знаю, надо позвать на помощь. Подумал я и заговорил: «А… Я хочу есть… А». Меня удобно укладывает и прижимает к своему телу та, что я решил называть мама, она говорит ласковые слова и чем-то упругим касается моих губ, я широко открыл рот и захватил сосок и что-то еще — упругое, но приятное. Сжимаю губы, проглатываю капельку, другую, сбивается дыхание, я чаще сжимаю свои губы, как вкусно, закрыл глаза, чтобы насладится запахами близкого тела и мелодией голоса: «Ешь, мой дорогой ребеночек». Когда я подрасту, то пойму, что это молоко матери, самая сладкая еда во вселенной. Мне хотелось еще капельку и еще, даже струйка полилась, я уткнулся в мамкину грудь, теплую и мягкую, сытость и успокоение догоняют меня на пути в сказочный мир под названием жизнь.

08.07.2026 г.

Новая жизнь
Миниатюра

Что-то в нашей жизни происходит такое, что, анализируя прошлое, некоторые события не поддаются житейской логике, каким-то вроде бы правильным человеческим законам бытия. Как-то я рассказывал вам историю из жизни моего приятеля Владимира, а сегодня познакомлю с моим тезкой Виктором и расскажу его историю.

Родители Виктора, Антон и Алена, жили в таежной уральской деревне, где в 1918—1919 годы разворачивались героические события Гражданской войны, с незамысловатым названием «станция Кумыш». На станции проживало около трех тысяч человек, было два клуба, две библиотеки, две школы, в которых учились более пятисот детей. Отец работал в Краснодарском, а мать трудилась в Кумышанском леспромхозе, работники которого заготавливали древесину и отправляли вагонами по железной дороге в город Свердловск. В 1959 году семье выделили участок земли на окраине поселка под строительство дома и огорода. В 1960 году родилась у них дочь Люся, следом женщина забеременела вторым ребенком. Выделенный участок чистили сами, валили столетние ели и березы, корчевали корни, убирали сучья и бревна. А из тех деревьев строили дом и конюшню для домашних

животных с сараем. Вот в такой обстановке у женщины начались схватки. Раньше в поселениях в больницы беременных женщин не увозили, а роды принимали в деревенских избах. Мать роженицы Агафья Сергеевна, так уважительно называли ее соседи, родившая четырнадцать детей, принимала роды у дочери Алены. Помогали и другие ее взрослые дочери, а младшенькая, десятилетняя Любушка, также находилась в комнате, сидя в дальнем углу на железной кровати, и с трепетом наблюдала за рождением своего племянника. Ребеночек родился крупным, но с пуповиной на шее, молчал. Бабушка Агафья приложила свое мастерство, и малыш крикнул раз, и следующий. Вот так на свет появился человечек — новая жизнь. Любушка вспоминала, что Виктор с рождения показывал свой характер, свою важность и значимость.

06.11.2025 г.

Детство
Рассказ

«Мне кажется, что одна из самых больших удач в жизни человека — счастливое детство», — Агата Кристи.

В 1970 году профсоюзная организация Кумышанского леспромхоза, который способствовал развитию поселка, выделила моей маме путевку на одного ребенка. В летний пионерский лагерь «Заря», расположенный где-то за городом Лысьва, отправили, естественно, меня. А Люсю, это моя сестра, увезли к бабушке Лиде, в город Инза, что в Ульяновской области. Пребывание в лагере мне не понравилось: надо было соблюдать какие-то правила, распорядок дня, мы учили песни, собирали коренья, листву, что-то клеили из природных материалов, находились постоянно под наблюдением вожатых. В общем, никакой свободы. Мне было скучно. Я постоянно думал о доме, о своих мальчишеских делам, уединялся в беседке, придавался воспоминаниям и представлял, что сейчас делают соседские пацаны, и мысленно присоединялся к ним.

Прошли последний звонок для выпускников восьмых «А» и «Б» классов, школьные линейки с первого по седьмой клас-

сы, школа-восьмилетка. Галина Семеновна попрощалась с нами, своими учениками, до первого сентября, каникулы начались. Летнее утро — какое же оно сладкое, не хочется просыпаться, солнце стучится в окно ласкающим теплом, медленно снимает с тебя одеяло. Первый утренний комар непременно найдет на твоем тельце уютное местечко, тихонечко воткнет свое жало в сосудик и начинает пить кровь, что заставляет напрячься и замахнуться, ладошкой ударить по комару, а он жужнул и улетел, обманщик. На улице летает паут, сядет на плечо, оставит ранку на коже — больно после его укуса. Дверь в избу открыта, легкий росистый бриз растекается по комнате, запахи влажной травы и полевых цветов успокаивают, я потянулся, слышу божественные мамины слова: «Игорек, сын, мы с папой пошли на работу, на столе кружка парного молока, обязательно выпей, пшенная каша в печке, наведешь с маслом». За завтраком наслаждаюсь распаренной кашей с пенкой, ломтями еще теплого белого хлеба со сметаной да фруктовым киселем, что булькает в кастрюльке на чугунной плите русской печки. Какао-порошок или растворимый кофе по утрам, порой намешивал с сахаром и употреблял ложками, запивая прохладной ключевой водицей. Да нет, вкуснее воды за всю жизнь не пробовал, точно говорю. Помните родник, вода из которого бежит по железной трубе? Обязательно остановитесь, когда идете по тропинке к Елоховым, а выше школа. «Надо бы посуду за собой помыть; нет, пусть сестра помоет, а мне некогда, по-

шел во двор порядок наводить, прибираться», — подумал я, вставая из-за стола.

Как и у многих сельчан, у нас был полон двор домашних животных, вот Майка-корова, черного цвета, у нее на голове белое пятно из шерсти, словно звезда, светится. В условиях хорошего кормления и ухода корова могла давать около 15 литров молока в день, что соответствовало потребностям нашей семьи. Через сепаратор перегоняли его на сыворотку, творог, сметану. Сывороткой и простоквашей кормили свиней, творог использовали в стряпню, а сметану взбивали в сливочное масло.

Животные с раннего утра покидают двор: корову загнали в поскотину, боров — сам по себе, с деревенскими свиньями жирок нагуливает, к вечеру придет и начнет чвакать свежую крапиву. Нарвать ее также входило в мои обязанности. Крапива росла вдоль изгори, в ложбинках — да везде, где задерживается влага, ей комфортно. Старую, от стебля высохшую крапиву рвать несподручно, твердая и сильно жжет, попробуй-ка поломай, и свинья от нее отвернется. Побрел искать, нашел молодые побеги растения возле соседского дровяника, на лавочке сидит дедушка в телогрейке, борода как у Деда Мороза, отдыхает, с колодца носит воду в ведрах в баню. «Деда, а можно я порву молодую крапиву возле вашего дровяника, не бойтесь, поленница не побежит», — спросил я у деда. Он разрешил, вообще он был добрым, говорил рассудительно, достойно, другие-то могли и материться, а он нет,

в разговоре между предложениями проговаривал какие-то слова, ек-макарек, это его присказка. Так и прозвали деда в деревне — Ек-макарек. Охапка молочной крапивы в лотке ждала борова Кузьку.

За курами присматривает петух, далеко от себя не отпускает, гуляют они в палисаднике, за сараем, пытаются перелететь забор и полакомиться жирными огородными червями, но гулять по грядкам нельзя. Бывало, десяток кур залетят в огород, роют ямки, разбрасывают семена овощей. Порой приходилось восстанавливать грядки, пересаживать семена, попробуй-ка догони эту птицу да выгони за забор. Две курицы искали насекомых под крыльцом, где расположился мой гараж с легковыми машинками и самосвалом. Любимое затененное и сквозняковое местечко в жару, наполненное детскими воображениями о взрослой жизни: прокладываю дорогу, везу машинку по ухабам, вот лужа, застряла она, двигатель надрывно работает, а я помогаю: ж-ж-ж-ж-ж, — появились передние колесики, буксует, привод задний, выехал, управляя рулем, представляю себя водителем, как дядя Витя — сосед, возит огромные бревна на большом лесовозе-машине «Уралец», заезжаю в гараж. Надо на стройку привести песок, загружаю лопаткой в кузов земельку, раскиданную курицей, а она здесь же, разгребает ямку и клюет что-то в земле. «Кура, ты зачем мою дорогу сломала?» — высказал я курице, а она «кур-кур», переминается, хочет помочь разгрузить самосвал. Петух гарцует к крыльцу, проверяет, чем

занимается его курица, да и за мной приглядит, ответственный Петя, посмотрит на нашу игру в машинки, на отношения, важно, одобрительно отойдет, высоко подняв голову с гребнем и бородой. Словно сказкой, упивался я, мне казалось, что мы с животными и птицами разговариваем на одном языке, они же меня понимают, а я понимаю их звуки, жесты и сигналы. Ползаю на коленях, ложусь в земельную пыль, рычу, жужжу, а курица мгновенно выросла, смотрит на меня сверху, я вижу ее добрые глаза, цветные перья, упитанную и довольную, с красным гребешком.

Утки — кря-кря — с боку на бок, из стороны в сторону по тропинке прошлепали до речки. Вечером, насытившиеся болотными и речными злаками, они с трудом поднимались в горку с круглыми животами, за ними ходить не надо.

В конюшне теленок Васька, месяца три от роду, рожки начинают прорастать, мне нужно его отогнать в соседнюю ограду. Непослушный он, хвостом размахивает, задними ножонками брыкается, бегает вокруг поленниц, не загонишь. Учил его, уговаривал, чтобы в загородку шел: «Васька, набегаешься там, где другие телята пасутся, целый гектар для вас». У нас с ним особые отношения выстроились, не хочет меня слушать. Ах ты, думаю, хитрец, я тебя силой возьму. Вывел из конюшни, встал перед ним, смотрю в глаза, он фыркает ноздрями, пропустить просится, а я его за рожки схватил и давай бороться, то влево, то вправо, закрутил ему голову с шеей, он опустился на землю своими слабенькими коленя-

ми — и «му-у». Я его отпустил. Скажу вам, что после этого Васька сам смирно направился к загороди, только ворота открывай, заходит до вечера.

Скотина на воле, двор с большими, тяжелыми воротами и конюшня освободились, Игорь с ответственностью приступает к выполнению родительских поручений, берет в руки совковую лопату, она выше его по высоте в полтора раза, и начинает скрести по деревянным половицам, собирать коровьи, телячьи, свиные лепехи и выносит за конюшню. За лето собирается большая навозная куча, перегнивает, превращается в удобрение. Зимой, когда выпадет снег, с отцом на санках перегной катим в огород, разбрасываем, картошка по осени рождается славная, в два кулака. Обязательно где-то надо солому постелить, свежего сена подложить в кормушку, в поилку воды набрать да присмотреть за цыплятами. Повадились вороны и ястребы, кружат высоко над огородами, чуть замешкаешься, упадет с неба ястреб и унесет цыпленка. Будучи постарше, в один из дней с другом Володей устроили засаду на пернатых хищников, спрятались с ружьями в черемушнике, вот кружит птица и резко к земле летит, сел возле кур, а тут — бах-бах — и кувыркнулся ястреб. Долго после этого случая не появлялись хищники. Цыплята росли спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.